

Л.С. Кобелева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

Погребения с оружием кротовской культуры юга Западной Сибири (по материалам могильника Ростовка): гендерный аспект

Приводятся результаты исследования половозрастного состава и инвентаря широко известного на юге Западной Сибири могильника кротовской культуры эпохи развитой бронзы Ростовка. Он был исследован в середине 60-х гг. прошлого столетия видным сибирским археологом В.И. Матющенко. Замечательные материалы памятника сразу привлекли внимание научной общественности, в результате чего он получил значительную известность еще до полной публикации материалов. Изучение могильника продолжается. Понимание его ключевого значения пришло благодаря культурному атрибутированию как памятника кротовской культуры. Обращает на себя внимание милитаризация оставившего могильник коллектива. Среди захоронений выявлен ряд погребений женщин, содержащих оружие или предметы двойного охотничье-военного назначения, а также погребения вооруженных детей. В статье дается характеристика погребального обряда и сопроводительного инвентаря. Интересно, что ряд женских и детских могил содержит остатки бронзолитейного оборудования (литейные формы, льячка) и литейный брак. Присутствие литейно-кузнечного инвентаря в женских и детских захоронениях для кротовской культуры не является уникальным явлением, оно прослежено также на могильниках Сопка-2 и Тартас-1. Предполагается, что в кротовском обществе была имущественная и социальная дифференциация. Выделяются группы населения, все члены которых независимо от пола и возраста занимались определенными видами престижной деятельности (бронзолитейным производством, отправлением культов) и были вовлечены в военную сферу. Наличие детских захоронений указывает на то, что этот статус передавался по наследству.

Ключевые слова: юг Западной Сибири, эпоха бронзы, кротовская культура, погребения, оружие.

Liliya S. Kobleva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: lilyakobeleva@yandex.ru

Gender Aspects of Burials with Weapons (Krotovo Culture, South of Western Siberia) Based on Materials from Rostovka Site

This paper contains the research results of age/gender data and inventory from the Rostovka burial site (Krotovo culture, Middle Bronze Age) in the south of Western Siberia. It was investigated in the middle of the 1960s by prominent Siberian archaeologist V.I. Matyushchenko. The remarkable archaeological material was found. The site immediately attracted the attention of scientific community and, as a result, Rostovka site became well-known even before the publication of the materials. However, the research is currently ongoing. The cultural attribution of Rostovka as the site of the Krotovo culture was crucial. Worthy of note is the significant militarization of the people who left this burial site. Among the burials, a number of women's burials containing weapons or items of dual hunting-military use as well as the burials of armed children were found. The research provides a description of the funeral rite and burial inventory. A number of women and children's burials is noted to contain the remains of bronze casting equipment and foundry waste. The presence of foundry equipment in the women and children's burials is not a unique phenomenon for the Krotovo culture; this was also traced at the burial sites of Sopka-2 and Tartas-1. Apparently, property and social differentiation are presented in the society of the Krotovo culture. The population strata are distinguished, all society members, regardless of their gender and age, are involved in the specific types of prestigious technology and in the military sector. The presence of the children's burials indicates that this status was inherited.

Keywords: south of Western Siberia, Bronze Age, Krotovo culture, burials, weapons.

Введение

Археологический памятник Ростовка, расположенный на левом берегу р. Омь, в непосредственной близости от Омска, был исследован в середине 60-х гг. прошлого столетия видным сибирским археологом В.И. Матющенко [Матющенко, Ложникова, 1969]. Замечательные материалы памятника сразу привлекли внимание научной общественности, в результате он получил большую известность еще до полной публикации материалов, последовавшей только в 1988 г. [Матющенко, Сеницына, 1988]. Изучение могильника продолжается и в настоящее время. Более полное понимание его значения пришло благодаря культурному атрибутированию его как памятника кротовской культуры [Молодин, Гришин, 2016, с. 353–356].

Тем не менее многолетнее исследование Ростовки не закрыло всех вопросов его изучения, одним из которых является явное несоответствие половозрастных показателей ряда погребенных и сопровождавшего их погребального инвентаря.

Источники и их характеристика

В могильнике Ростовка В.И. Матющенко выявил 38 могил. Еще одно погребение, найденное в 2012 г. при исследовании периферийных участков памятника, датируется эпохой поздней бронзы [Молодин и др., 2015, с. 317–318, рис. 1, 1]. Три погребения из общего числа (№ 3, 4 и 6) не имеют антропологических остатков и атрибутированы исследователями, проводившими раскопки, как могилы условно. Видимо, они являются ритуальными ямами, характерными для погребального обряда кротовской культуры. Это тем более вероятно, что погребение № 6 имеет полную аналогию по форме, характеру заполнения и составу инвентаря с захоронениями на могильнике Тартас-1 [Молодин, Дураков, Кобелева, 2016, с. 80–81, рис. 1].

Для 12 погребенных половозрастной состав определить не удалось: в шести случаях умершие кремированы (погр. № 1, 19, 22, 35, 36, 37), в остальных это сделать помешала сохранность материала. В 15 могилах (погр. № 5, 7, 9, 13, 17, 18, 20, 23, 25–30, 34) захоронены мужчины, в двух – дети (погр. № 2, 32), два погребения (№ 8 и 21) – коллективные, в пяти могилах (№ 10, 14, 16, 24, 33) захоронены женщины (антропологические определения сделаны канд. биол. наук В.А. Дрёмовым).

Обращает на себя внимание значительная милитаризация оставшегося могильника коллектива. Оружие присутствует в 19 погребениях, причем в девяти случаях (погр. № 5, 7, 9, 13, 17, 18, 23, 29, 34) это мужские могилы, в двух – разнополюе кол-

лективные (погр. № 8 и 21), в одном (погр. № 2) – детское и в четырех – женские (погр. № 10, 14, 24 и 33). Таким образом, с оружием захоронены 60 % мужчин и 80 % женщин. При этом следует отметить, что в могильнике есть мужские безынварные погребения (№ 26, 28 и 30). Учитывая необычность такого распределения погребального инвентаря, особо остановимся на женских и детских захоронениях с оружием.

Погребение № 10 имело форму вытянутого прямоугольника, ориентированного по линии В – 3. Его размеры 0,7 × 2 м, глубина – 0,3 м. Погребение потревожено. В могиле в беспорядке лежали кости женщины в возрасте ок. 20 лет. В западной части могилы найдены девять каменных наконечников стрел с прямым основанием, видимо, с женщиной был положен колчан [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 21–22, рис. 24, 1–7]. Такие наконечники широко встречаются в материалах кротовской культуры и, по классификации В.И. Молодина и А.Е. Гришина, относятся к I отделу [2016, с. 225–226, рис. 406].

Погребение № 14 имело форму неправильного овала, ориентированного по линии С – Ю. Размеры 0,85 × 1,7 м, глубина – 0,15 м. В юго-западном углу могилы найдены фрагменты черепа и нижняя челюсть женщины в возрасте 25–30 лет [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 23–24, рис. 28]. Рядом с ними лежало скопление углей и жженой земли. В южном углу могилы обнаружен каменный резец, ближе к центру – крупный отщеп. Вдоль восточной стенки располагался бронзовый кинжал в плохо сохранившихся кожаных ножнах. Кинжал имел сужающийся хвостовик, отделенный от клинка небольшим выступом, и лавролистное лезвие, усиленное ребром жесткости в виде проходящего через его центр рельефного валика. Длина кинжала – 17,2 см, из них на хвостовик приходится 3,2 см. Длина клинка – 14 см, максимальная ширина – 3,6 см. По классификации Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, он относится к типу НК-16 [1989, с. 101–102, рис. 58, 6].

Погребение № 24 имело форму вытянутого прямоугольника с сильно скругленными углами. Длинной осью оно ориентировано по линии ЮВВ – СЗЗ. Размеры могильной ямы 0,7 × 2 м, глубина от уровня материка – 0,15 м. В заполнении встречены кусочки обожженной земли. В могиле погребена женщина в возрасте ок. 40 лет [Матющенко, Сеницына, 1988, с. 31, 34, 36, рис. 42]. Захоронение потревожено, кости перемещены. В юго-западном углу найден плохо сохранившийся череп, в восточном – нижняя челюсть. Обломки бедренных костей, таза, берцовой кости и правой руки зафиксированы в центральной части могильной ямы. В этом же скоплении обнаружены бронзовый кинжал и долото. В восточной части могилы выявлен каменный

наконечник стрелы с прямым основанием и обломок литейной формы для отливки копья сейминско-турбинского типа. Найденный в могиле кинжал имел хвостовик с ромбообразным окончанием и двухлезвийный клинок подтреугольной формы. Его длина – 19,4 см, из них на лезвие приходится 13 см, на черенок – 6,4 см, максимальная ширина – 2,9 см. Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых относят данное изделие к типу НК-16 [1989, с. 101–102, рис. 58, 1].

К мог. № 24 В.И. Матющенко относит скопление вещей, найденное в 0,3 м от ее восточного края и состоящее из двух бронзовых копий и кельта. Все предметы располагались остриями, воткнутыми в материк. Наиболее крупное копьё – вильчатое с шипом у основания пера. Его длина – 40,8 см, при этом на втулку приходится 13,5 см, на перо – 27 см. Максимальная ширина пера – 8,5 см. Изделие имеет серьезные литейные дефекты: вся поверхность поражена газовыми раковинами, лопасти пера недолиты. Следы использования копья отсутствуют, по сути, это предназначенный к переработке брак, помещенный в приклад к могиле в качестве запаса металла. Второе копьё – короткое и массивное, его длина равняется 20 см, из них на втулку приходится 5 см, на перо – 15 см. Ширина пера – 8,5 см. Кельт – одношковый, сейминско-турбинского типа. Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых относят подобные изделия к разряду К-32 [Там же, с. 63, рис. 23, 1]. Длина орудия – 14,5 см, ширина втулки – 4,2 см, ширина лезвия – 7,4 см. Отливка также имеет литейные дефекты: сквозные недоливы стенок, поверхность поражена многочисленными газовыми раковинами.

Погребение № 33 имело форму вытянутого прямоугольника, ориентированного длинной осью по линии ЮВВ – СЗЗ [Матющенко, Синицына, 1988, с. 46–47, рис. 61]. Заполнение могилы – темная углистая почва. Ее размеры 1,25 × 2 м, глубина – 0,25 м. Погребение потревожено, в анатомическом порядке сохранились только берцовые кости левой ноги. Захоронена женщина 20–25 лет, по всей видимости, в вытянутом положении на спине, головой на СЗ.

Несоответствие погребального инвентаря полу погребенной сразу бросается в глаза и уже отмечалось в литературе [Дрёмов, 1984, с. 16–17]. В северо-западной части могильной ямы обнаружено скопление из 51 пластины костяных лат, среди которых находился череп погребенной. В дно могилы был воткнут втульчатый наконечник копья сейминско-турбинского типа [Матющенко, Синицына, 1988, рис. 67, 1]. Его длина – 24,7 см, из них на втулку приходится 8,5 см, на перо – 17,2 см. Максимальная ширина пера наконечника – 7 см.

В заполнении могилы также найдены две золотые кольцеобразные височные подвески, два каменных наконечника стрелы и костяная рукоять ножа с тонким резным геометрическим орнаментом. У западной стенки обнаружена костяная проколка. В северо-западном углу в собранном состоянии лежали две створки каменной литейной формы для отливки круглого в сечении стержня. Подобные формы найдены на территории Сейминского могильника [Бадер, 1970, с. 123, рис. 63, 2–4]. Аналогии отливаемым в этих формах изделиям известны в материалах Турбинского могильника. О.Н. Бадер считал их заготовкой для дальнейшей перековки [1964, с. 87, рис. 83, 1]. Глиняная форма для отливки такого стержня найдена и в Сибири, в позднекротовском погребении могильника Сопка-2 [Молодин, 1985, рис. 28, 5].

Погребения вооруженных женщин из могильника Ростовка дополняет могила вооруженного ребенка [Матющенко, Синицына, 1988, с. 7–9, рис. 7]. Это погребение (№ 2) представляло собой выявленное на уровне материка скопление углей и жженой земли размером 0,85 × 1,05 м и мощностью 0,1 м. В заполнении найдена каменная ножевидная пластина. На уровне дна обнаружен плохо сохранившийся череп и зубы ребенка 9–10 лет. Погребенный, видимо, лежал на спине. Под черепом находился кинжал с фигурным навершием в виде лыжника с лошастью. Данное изделие многократно опубликовано и, благодаря художественной выразительности скульптурной группы, широко известно. Помимо этого, в могиле найдено составное украшение из нефритовых бус бело-молочного и светло-зеленого цвета, бусин из лазурита, бронзовых кованых пронизок и зубов марала. Здесь же были медная фигурка птицы и нуклеус из горного хрусталя. Материал украшений этого погребения указывает на значительные по удаленности внешние торговые-обменные связи населения региона. Ближайшие источники происхождения нефрита и горного хрусталя находятся на Урале, лазурита – на территории современного Афганистана (Бадахшан).

Выводы

Таким образом, в большинстве женских погребений могильника Ростовка обнаружено оружие, причем в двух случаях (погр. № 24 и 33) присутствует весь комплекс вооружения, включающий оружие дальнего боя (наконечники стрел), длинное древковое оружие (копья и копья-алебарды), короткое древковое (кельты) и колюще-рубящее (кинжалы). Нетрудно заметить, что эти находки явно коррелируются с литейным оборудованием (формы или их обломки). Присутствие литейно-кузнечно-

го инвентаря в женских и детских захоронениях для кротовской культуры не является уникальным явлением и прослежено на могильниках Сопка-2 и Тартас-1 [Молодин, Дураков, 2018, с. 34]. Видимо, литьем металла занимались все члены семьи, включая женщин и даже детей. Такая организация металлообрабатывающего производства известна из этнографических источников, она, например, зафиксирована у лохаров Восточного Раджахстана [Misra, 1975].

Сравнивая результаты анализа материалов памятника Ростовка и Сопка-2/4Б, В, следует отметить намного меньшую милитаризованность коллектива, погребенного на памятнике Сопка-2/4Б, В. Из 250 кротовских погребений этого могильника охотничье-оружейный инвентарь присутствует в 36 захоронениях, что составляет 14,4 %. Причем специализированное оружие (бронзовые наконечники стрел, кельт, кинжалы, наконечник дротика, каменная булава) найдены только в шести из них. В 15 случаях оружие присутствует в мужских могилах, в восьми – у мужчин в коллективных разновременных захоронениях, в трех – у детей и подростков, в остальных случаях пол погребенных неопределим (антропологические определения сделаны канд. биол. наук В.А. Дрёмовым, д-ром ист. наук Т.А. Чикишевой и канд. ист. наук А.Р. Ким).

Мужской орудийный набор – каменные и костяные наконечники стрел, накладки на лук – присутствует в шести женских погребениях кротовского могильника Сопка-2/4Б, В. Например, в мог. № 44 (кург. 4, погр. 1) женщину 35–40 лет сопровождали накладка на лук и четыре костяных наконечника, а 14–15-летнюю женщину в захоронении № 65 (кург. 6, погр. 13) – колчан из 28 наконечников стрел [Молодин, Гришин, 2016, с. 41, 48–53, рис. 61, 78–81]. Следует отметить и погр. № 464, т.к. здесь в захоронении женщины (30–40 лет) с ребенком находился не только наконечник стрелы, но и глиняная льячка со следами использования. Следовательно, и в могильнике Сопка-4Б, В прослеживается взаимное присутствие оружия и литейного оборудования в женских захоронениях. Подобная традиция сохраняется и в позднекротовское время. В материалах могильника Сопка-2/5 в погр. № 91 (кург. 14, мог. 2) вместе с черепом женщины 40–45 лет найдены литейные формы для изготовления стержня и наконечника дротика [Молодин, Гришин, 2019, с. 17, рис. 24, 25].

Таким образом, на территории могильников Ростовка, Сопка-2/4Б, В, Сопка-2/5 выявлен ряд погребений женщин, которых сопровождало оружие или предметы двойного охотничье-военного назначения. Причем в ряде могил фиксируются также остатки бронзолитейного оборудования (ли-

тейные формы, льячка) и литейный брак. Кроме того, оба могильника (Ростовка и Сопка-2/4Б, В) содержали погребения вооруженных детей. При этом возраст детей (5 и 9–10 лет) исключал возможность применения ими оружия на практике. В некоторых случаях ребенок должен был иметь значительные затруднения при ношении оружия даже как статусной детали одежды. Например, длина массивного кинжала из погр. № 425 могильника Сопка-2/Б, В превышала половину роста похороненного в ней ребенка, соответственно, при ношении на поясе это оружие должно было острым концом волочиться по земле [Молодин, Гришин, 2016, с. 251–253].

По всей видимости, в кротовском обществе шел процесс формирования социальной дифференциации. Выделялись социально-экономические группы населения, вероятно, в виде отдельных кланов или других кровнородственных групп, все члены которых, независимо от пола и возраста, занимались определенными видами престижной деятельности (бронзолитейным производством, торговыми операциями, отправлением культов) и параллельно были вовлечены в военную сферу. Наличие детских захоронений с оружием и бронзолитейным инвентарем указывает на то, что эта профессия и связанный с ней статус воина передавались по наследству.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

Список литературы

- Бадер О.Н.** Древнейшие металлурги Приуралья. – М.: Наука, 1964. – 180 с.
- Бадер О.Н.** Бассейн Оки в эпоху бронзы. – М.: Наука, 1970. – 176 с.
- Дрёмов В.А.** О родственных связях среднего Прииртышья в эпоху бронзы (по антропологическому материалу Ростовкинского могильника) // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: Ом. гос. ун-т. 1984. – С. 14–21.
- Матющенко В.И., Ложникова Г.В.** Раскопки могильника у д. Ростовка близ Омска в 1966–1969 гг. // Из истории Сибири. Полевые работы 1969 г. – Томск: Том. гос. ун-т, 1969. – Вып. 2. – С. 18–34.
- Матющенко В.И., Сеницына Г.В.** Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск: Том. гос. ун-т, 1988. – 163 с.
- Молодин В.И.** Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – 452 с.; 2019. – Т. 5: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов позднекротовской (черноозерской), андроновской (фёдоровской), ирменской и пахомовской культур. – 223 с.

Молодин В.И., Дураков И.А. Захоронения с литейными формами на могильнике позднекротовской (черноозерской) культуры Тартас-1 (Барабинская лесостепь) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 2. – С. 25–34.

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С. «Клад литейщика» позднекротовской (черноозерской) культуры памятника Тартас-1 в лесостепной Барабе // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, № 3. – С. 79–86.

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Корусенко М.А. Новые исследования памятника Ростовка близ Омска // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 316–320.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). – М.: Наука, 1989. – 320 с.

Misra P.K. The Gadulia Lohars. Nomadism and Economic Activities // *Pestoralists and Nomads in South Asia*. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1975. – P. 235–246.

References

Bader O.N. Drevneishie metallurgi Priural'ya. Moscow: Nauka, 1964, 180 p. (In Russ.).

Bader O.N. Bassein Oki v epokhu bronzy. Moscow: Nauka, 1970, 176 p. (In Russ.).

Chernykh E.N., Kuz'minykh S.V. Drevnyaya metallurgiya Severnoi Evrazii (seiminsko-turbinskii fenomen). Moscow: Nauka, 1989, 320 p. (In Russ.).

Dremov V.A. O rodstvennykh svyazyakh srednego Priirtyshya v epokhu bronzy (po antropologicheskomu materialu Rostovkinskogo mogil'nika). In *Problemy*

etnicheskoj istorii tyurkskikh narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii. Omsk: State Univ. Press, 1984, pp. 14–21. (In Russ.).

Matyushchenko V.I., Lozhnikova G.V. Raskopki mogil'nika u d. Rostovka bliz Omska v 1966–1969 gg. In *Iz istorii Sibiri. Polevye raboty 1969 g.* Tomsk: State Univ. Press, 1969, iss. 2, pp. 18–34. (In Russ.).

Matyushchenko V.I., Sinitsyna G.V. Mogil'nik u derevni Rostovka vblizi Omska. Tomsk: State Univ. Press, 1988, 163 p. (In Russ.).

Misra P.K. The Gadulia Lohars. Nomadism and Economic Activities. In *Pestoralists and Nomads in South Asia*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1975, pp. 235–246.

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985, 200 p.

Molodin V.I., Durakov I.A. Late Krotovo (Cherno-Ozerye) Burials with Casting Molds from Tartas-1, Baraba Forest-Steppe. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2018, vol. 46, No. 2, pp. 25–34. doi:10.17746/1563-0102.2018.46.2.025-034.

Molodin V.I., Durakov I.A., Kobleva L.S. “Caster’s Cache” from Tartas-1, Late Krotovo (Cherno-Ozerye) Culture, Baraba Forest-Steppe. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2016, vol. 44, No. 3, pp. 79–86. doi:10.17746/1563-0102.2016.44.3.079-086.

Molodin V.I., Durakov I.A., Kobleva L.S., Korusenko M.A. New research of Rostovka site near Omsk. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 316–320. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25067253>

Molodin V.I., Grishin A.E. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. 4: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoi kul'tury, 452 p. (In Russ.). URL: <http://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/08/Sopka.pdf> (Accessed: 15.10.2019); 2019, vol. 5: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov pozднекротовskoi (chernoozerskoi), andronovskoi (fedorovskoi), irmenskoi i pakhomovskoi kul'tur, 223 p. (In Russ.). doi:10.17746/7803-0299-5.2019.

Кобелева Л.С. <https://orcid.org/0000-0002-4969-3771>